

Сергей Кляшторный *

Формирование древнетюркской государственности: от племенного союза до первого Тюркского каганата

Современная этнографическая карта, отражающая расселение древнетюркских народов - это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этногенеза неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента-Центральной Азией и Южной Сибирью-от Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического общества. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали всю Великую Степь. Тем не менее, формирование тюркоязычных этнических групп вплоть до первых веков н.э. устойчиво связывается с востоком степной зоны Евразии. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. только в рамках этнополитических объединений, созданных одной родоплеменной группой (династией), интегративные процессы приобретали некоторую стабильность, а казалось бы хаотические миграции - направленность. И только в пределах обширных хронологических процессов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности-смещению тюркоязычных племен с востока на запад.

Начальный этап формирования тюркских народов прочно увязывается, таким образом, с формированием ранней тюркской государственности. В недрах многоплеменных союзов постепенно возникали и укреплялись языковая общность и достаточно прочные социокультурные связи, перераставшие в осознание надплеменной этнической близости. Эти процессы, чрезвычайно растянутые во времени и пространстве, имеют, однако, ту нижнюю хронологическую грань, которая может быть принята за точку отсчета. Такой гранью стало образование степной империи, в названии которой в названии которой впервые появилось слово тюрк - Тюркского эля или, как мы его называем, первого Тюркского каганата, 1450-летие которого мы ныне отмечаем.

Осознание триединства “народ-государство-закон”, понимание слитности этих слов и того, что стояло за ними, проявилось и отлилось в формулу нового бытия уже в древнейших тюркских письменных памятниках, манифестирующих политическую идеологию каганата: “Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры - Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (государство) и установили Терю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени! На восток и на запад расселяли они свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!”.

Так повествует о прошлых веках, о начале Тюркского эля и его первых каганах, их далекий потомок Йоллыг-тегин, “принц счастливой судьбы”, первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим

---

* Кляшторный Сергей Г. - профессор, заведующий Сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения Российской академии наук.

Доклад на Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 1450-летию Первого Тюркского каганата (22-23 февраля 1996 г., Москва).

отцом которых был спасенный ею сын человеческий. Когда сыновья волчицы вышли из пещеры, они женились на женщинах из ближайшего к их горам Турфанского оазиса, что в Восточном Туркестане. там говорили на иранских языках, согдийском и сакском. По местным обычаям рожденные здесь дети принимали родовые имена матерей. Один из внуков волчицы получил имя Ашина. В согдийском и сакском это имя означало все оттенки синего цвета. Через двести лет Йоллыг-тегин перевел имя Ашина, ставшего основателем царского рода тюрков, на родной язык словом кек “небесно-синий”, “небесный”.

Здесь кончалась легенда и начинались воспоминания о недавнем прошлом. В 460 г. жужане вторглись в Турфан и на Восточный Тянь-Шань. Они переселили живший там народ Ашина на Алтай. Вскоре пришельцы подчинили все окрестные племена, а сложившийся новый племенной союз стал именоваться тюрк.

В 542 г., когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, Черной Выдре предстояло определить - кого из степных соседей он предпочтет для заключения военного союза. Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали гаогюй, т.е. “высокие телеги”, а монголоязычные жужане на своем наречии называли их тегрег “тележники” (в китайской транскрипции теле). Сами себя они называли огузами. Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI в. огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков ни по языку, ни по образу жизни, огузы в противоположность тюркам не были консолидированы властью одного вождя и часто враждовали друг с другом. Мятежные подданные кагана Анагуя, они регулярно восставали против жужан и каждый раз терпели неудачу. В 542 г. жужанами был подавлен очередной мятеж огузов. Вождь, возглавлявший восстание, бежал в столицу Восточной Вэй. Там он был обласкан и обнадежен. Для Западной Вэй союз с огузами стал невозможен.

Черная выдра принял решение и стал готовить посольство к тюркам. Он учел информацию об иранских генеалогических связях царского рода Ашина. Во главе посольства был поставлен согдиец из бухарских выходцев, живших на крайнем западе Китая, в одном из торговых центров на Шелковом пути. В год Быка, т.е. в 545 г. от Р.Х., посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство тюрков получило признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус. Вот как описывает китайский историограф состоявшееся событие: “Тюрки поздравляли друг друга и говорили - Теперь наше государство будет процветать! Ведь к нам приехал посол великого царства!”. В следующем году ответное тюркское посольство прибыло в Чанъань. Военный союз состоялся.

Обретя столь сильную опору на Юге, Бумын начал покорение севера. Первыми были подчинены 50 тысяч семей огузов. Объединенными силами Бумын обрушился на главного врага, жужан. Их государство было уничтожено, Анагуй кончил жизнь самоубийством. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошке и провозглашен каганом Тюркского эля. Начался отсчет дней новой империи Великой Степи.

Бумын умер в 552 г., вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского дома. Его брат и соправитель Истеми-каган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, на Волгу, на Северный Кавказ. А сыновья Бумына, Муган-каган и, затем, Таспар-каган, утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северо-китайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля и Таспар-каган насмешливо именовал их государей “сыночками”, т.е. вассалами.

В 568 г. тюркский посол, согдиец Маниах, прибыл в Константинополь, ко двору византийского императора Юстиана II, для переговоров о транзитной торговле и военном союзе. В тюркскую ставку Маниах вернулся с ответным византийским

посольством. Тюркский каганат прочно включился в систему военных, политических и экономических отношений крупнейших государств того времени-Византии, Ирана и Китая, поставив под свой контроль торговый путь, связывающий Дальний Восток со странами Средиземноморья. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верхов Енисея до верховьев Амур-дарьи. Тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политический опыт которой в еще больших масштабах был повторен в XIII в. монголами, а в XVIII-XIX веках - Российской империей.

Остановимся на некоторых последствиях и результатах возникновения тюркской империи в столь широких пределах. Прежде всего, изменилась социальная структура тюркского общества. Сложилась наследственная имперская аристократия, обязанная государственной и военной службой. Ее возглавил каган из рода Ашина и его близкие родичи. Сама империя разделилась на западную часть, где правили потомки Истеми, и восточную, где сидели великие каганы, потомки Бумына. Исполнительным органом каганской власти стал совет великих буюруков, т.е. "приказных", которым и подчинялись все низшие должностные лица. По крайней мере дважды в год тюркская знать собиралась в ставке кагана на Алтае. Там приносились жертвоприношения Небу и предкам, там решались важнейшие дела.

Главной обязанностью кагана и буюруков считалось "прокормление народа", т.е. забота о благосостоянии подданных, что постоянно упоминают древнетюркские памятники. Формула "он хорошо кормил свой народ" была наивысшей похвалой умершему кагану в поминальных надписях. Ради этого, как гласит надпись Бильге-кагана, он должен "не сидеть без дела днем и не спать ночью". Советник Бильге, Тоньюкук в своей надписи утверждает: "Если бы в какой-либо стране, у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, что за горе, что за беду имел бы тот народ!". Концентрация власти в руках у кагана и буюруков делала их политически и исторически ответственными за судьбу государства. Это прекрасно выразил Йолыгтегин, повествуя о крушении Первого тюркского каганата; он пишет о правнуках Бумына: "Сели на царство неразумные каганы, сели на царство трусливые каганы! А их буюруки также были неразумны, были трусливы!" В результате, беги и народ, внимая словам злонамеренных людей, втянулись в междоусобицу и погубили Эль.

Другим следствием создания каганата было резкое изменение культурного состояния тюрков. Выйдя из относительной изоляции и соприкоснувшись с цивилизациями Средней Азии, Ирана и Византии, тюрки, в исторически короткий срок, сформировали новый тип культуры, основанной на овладении письменностью. В Первом каганате языком культуры стал согдийский, один из восточноиранских языков, своего рода латынь Центральной Азии, общий язык на Великом Шелковом пути. Согдийским письмом и на согдийском языке написан единственный сохранившийся памятник Первого Тюркского каганата, обнаруженный и идентифицированный мною в 1968 г. в Северной Монголии, в местности Бугут, т.е. Оленьей пади. Памятник был дешифрован известным ленинградским иранистом В.А.Лившицом, а затем интерпретирован и издан нами совместно. Стела была воздвигнута в 582 г., при погребении Таспар-кагана и рассказывает о событиях начальной истории Первого каганата. В дальнейшем, тюрки приспособили согдийскую письменность к своему языку, а затем, уже в VII-VIII вв., создали свое собственное руноподобное письмо, более двухсот памятников которого сохранилось в Монголии и на Алтае, в Хакасии и Туве, в Восточном Туркестане и Семиречье. Блестящая переводная и оригинальная древнетюркская литература возникла не позднее конца VI в., а вместе с ней сложился

общeturкский литературный язык, началось освоение высоких достижений культур Дальнего и Ближнего Востока. Можно утверждать, что в результате культурного прорыва конца VI в. началось формирование древнетюркской цивилизации.

Наконец, после появления Первого каганата, новую направленность приобрели этногенетические процессы. Уже генеалогические легенды тюрков позволили обнаружить, кроме собственно тюркской, существование в ту же эпоху еще трех тюркоязычных этнических группировок: кыргызов, живших на Верхнем Енисее; кыпчаков, называвшихся на Руси половцами, а на Западе - команам; упомянутых уже огузов, которых русские летописи именуют торками, а византийцы - узами. Начиная с VI в. слово тюрк в представлении соседних народов - персов, арабов, византийцев - стало обозначать огромную общность степных народов, неразличимых ни по языку, ни по обычаям. Внутри тюркской империи появляются общеимперская мода, единая социально-политическая номенклатура. Вместе с тем, наряду с интеграционными процессами, в Средней Азии и Восточном Туркестане, в Поволжье и на Северном Кавказе обозначились новые устойчивые этнотерриториальные группировки. Внутри них крепились межплеменные связи, формирующие будущие тюркские народности. В границах империи и ее наследников четыре первоначальные группировки тюркоязычных племен стали очагами сложения новых этносов. Произошло смещение на запад основных центров тюркского этногенеза.

Если справедлив тезис о частичном восприятии Россией тюрко-монгольского государственного наследия, то история объединения Евразии насчитывает как раз 1450 лет назад. В этом особый смысл отмечаемой даты. Ныне иные времена и иные нравы. Термины "империя" и "имперские традиции" чаще упоминается в негативном контексте. Но стоит ли забывать о реальном историческом прошлом, о прошлом веков и тысячелетий, а не только вчерашнего дня, об уроках этого прошлого?

Расширение сферы российской государственности на восток и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующие века расселение в западном направлении тюркских народов, чьей хозяйственной базой было тогда кочевое скотоводство. Показательно, что расходясь во времени, в ареальном отношении оба эти процесса, охватившие огромные пространства европейской России, Сибири и Северного Казахстана, в основном совпадали. Русское продвижение на восток и юго-восток имело иную, чем тюркское хозяйственную подоплеку - экономической базой этого мощного переселенческого потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новую типологию хозяйственного симбиоза.

На этнографической карте СНГ ясно обозначено соседство и прорастание друг в друга двух мощных этнических массивов - славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в немалой степени определяет и диктует реалии федеративного устройства России и ее политику в отношении ближайших государств нового зарубежья - Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана. Всей своей исторической судьбой связаны с современной территорией России татары и Чуваши в Поволжье, башкиры в Приуралье, кумыки, ногайцы, карачаевцы и балкарцы на Северном Кавказе, татары в Западной Сибири, алтайцы, шорцы, кумандинцы, хакасы, тувинцы, тофалары в Южной Сибири, якуты и долганы в Восточной Сибири. Значительная часть тюркского населения России, включая переселенцев из Центральной Азии и Закавказья, живет вместе с другими народами, вне своих этнических территорий. Вновь явственно и обостренно актуализировались исторически существующая и политически существенная проблема, с учетом меняющейся демографии и роли России в СНГ, с учетом жизненных интересов и обязательств

России, должна рассматриваться и как проблема гармонии и увязки интересов славянских и тюркских этнополитических образований разного иерархического уровня.

Насколько же подготовлен подобный симбиоз прежним историческим опытом и теми этнопсихологическими и идеологическими стереотипами, которые в наибольшей степени присущи тюркской среде? Ответ на этот вопрос и должен содержаться в новых исследованиях тюркологов - историков и этнографов.